СТЕПНЯЧОКЪ.

Въ губернскомъ городѣ былъ съѣздъ, по поводу ярмарки и выборовъ. Можно себѣ вообразить, сколько тутъ съѣхалось всякаго люда. Тутъ, конечно, были не одни только торговые и дѣловые, а люди всякаго званія и промысла. Всѣ мы, сколько насъ ни есть, живемъ одинъ другимъ.

Былъ поздній вечеръ, или, лучше сказать, ночь; суматоха стихла; погода сыровата и сурова, а человѣкъ, одѣтый вовсе не по зимнему, то есть безъ плаща, не только безъ шубы, бѣжалъ по глухой улицѣ съ поздней вечеринки домой. Увидавъ вдругъ тусклый свѣтъ въ окнахъ дома, мимо котораго проходилъ рысцой, онъ пріостановился, взглянулъ на окна, подумалъ про себя: «на ловца и звѣрь бѣжитъ», - поворотилъ во дворъ, взбѣжалъ на подъѣздъ и тѣмъ же бѣглымъ шагомъ хотѣлъ войти изъ передней въ покои; но сонный слуга вскочилъ съ прилавка, едва

не сбилъ посѣтителя съ ногъ и съ испугомъ, какъ бы опамятовавшись только вполовину, заступилъ ему дорогу. «Нельзя-съ», сказалъ онъ, «почиваютъ.» - «Да ну къ чорту! отвѣчалъ тотъ, едва попадая зубомъ на зубъ. Меня ждутъ; поди, доложи, скажи, что Куреневъ.» - Человѣкъ съ отчаяніемъ запустилъ обѣ руки въ голову, страшно зѣвнулъ и, шатаясь спросонья, пошелъ докладывать: а гость, между тѣмъ, подувалъ въ кулаки, покрякивалъ, потиралъ руки, выправлялъ плечи и думалъ: «даже и въ передней теплѣе, чѣмъ на улицѣ.» Топать ногами онъ не рѣшался, хотя ему и очень хотѣлось отогрѣть ноги. Онъ догадывался, что господа заняты.

«Пожалуйте-съ», сказалъ слуга, отворяя двери, и посѣтитель, проговоривъ: «ну, видишь ли, братецъ, что ты оселъ», прошелъ еще двѣ теплыя комнаты и очутился въ третьей, освѣщенной двумя оплывшими и нагорѣвшими сальными свѣчами, за которыми сидѣли у ломбернаго стола три человѣка съ картами въ рукахъ. Поздоровались отрывисто, потому что тутъ

всѣ были заняты, помолчали. Куреневъ окинулъ опытнымъ глазомъ записку, взглянулъ также на пухлыя, сонныя лица игроковъ и убѣдился, что игра должна была длиться уже болѣе сутокъ.

- Такъ что же, сказалъ онъ, обратясь къ двумъ товарищамъ, которые держали банкъ вмѣстѣ противъ третьяго: - хоть прикажите подать рюмку водки да примите меня въ часть - ужъ не въ половину: гдѣ мнѣ съ вами! а хоть въ десятую долю.

- Пожалуй, сказалъ одинъ изъ нихъ: - такъ бери же самъ карты и держи банкъ за насъ: ужъ мы оба, что называется, лыкомъ не веземъ: товарищъ просто глазами не видитъ, а я словно голову отсидѣлъ, одурѣлъ совсѣмъ.

- А давно занимаетесь?

- Нѣтъ, не такъ-то давно: сѣли въ воскресенье вечеромъ; понемногу всѣ разбрелись, мы и остались одни.

Замѣтимъ, что дѣло это происходило ночью со вторника на среду.

Подали водку, выпили. Свѣжій игрокъ сѣлъ съ противникомъ за столъ, повѣривъ

въ двухъ словахъ записку, а двое товарищей свалились тутъ же по угламъ дивана и заснули мертвецкимъ сномъ.

- Свищи душа черезъ носъ, сказалъ Куреневъ, въ родѣ привѣтствія новому знакомцу своему, и принялся за дѣло.

Скажемъ теперь слово о Куреневѣ: это былъ человѣкъ, которому давно уже не было входа ни въ какое иное общество, кромѣ такого, гдѣ онъ теперь находился. Онъ и явился сюда изъ такого же братства, гдѣ оставилъ, по недостатку другой наличности, свою шубу. Куреневъ не всегда игралъ такъ несчастливо: онъ, напротивъ, умѣлъ приковывать и держать при себѣ неотлучно эту своенравную богиню; но всякому извѣстно, что дѣлать это можно только при извѣстныхъ, спопутныхъ обстоятельствахъ, и, между прочимъ, только съ чужими; а кто разъ дома извѣрился, тому зорко и строго смотрятъ на пальцы. Въ этотъ же вечеръ, въ томъ обществѣ, откуда онъ сюда явился, онъ одинъ только разъ, въ крайнемъ отчаяніи, попытался было склонить счастье на свою

сторону, да и то неудачно: противникъ его, сидѣвшій насупротивъ, привсталъ хладнокровно, далъ ему пощечину и сѣлъ опять молча на мѣсто. Куреневъ, получивъ что слѣдовало, махнулъ головою въ сторону и сказалъ: «Полно дурить! ну что за шутки?» - Противникъ промолчалъ, будто и не слышитъ; а Куреневъ спокойно продолжалъ играть, не давая, впрочемъ, болѣе пальцамъ воли, и затѣмъ по этому дѣлу никакихъ объясненій болѣе не было.

И такъ, Куреневъ, свѣжій человѣкъ въ сравненіи съ тремя, которыхъ засталъ за работой, хотя и самъ онъ часовъ двѣнадцать просидѣлъ за зеленымъ сукномъ, продолжалъ спокойно играть съ пріѣзжимъ, котораго онъ не зналъ и видѣлъ въ первый разъ. Этотъ несчастный сидѣлъ третьи сутки на стулѣ, едва только переводя духъ за рюмкою водки или кусочкомъ селедки; вѣки у него такъ напухли, что почти не видать было глазъ. Игру продолжали спокойно и чинно, часа два, между тѣмъ, какъ два товарища, принявшіе Куренева въ десятую часть,

храпѣли на пропалую. Куреневъ игралъ довольно счастливо и записалъ на противникѣ своемъ 16,000. Замѣтивъ, что того стало крѣпко подергивать, онъ положилъ карты на столъ, понюхалъ табаку и спросилъ: «а что, не пора ли кончить?» Но противникъ, будто испугался одной мысли этой, встрепенулся и убѣдительно просилъ продолжать. Тогда Куреневъ, повертывая табакерку свою въ рукахъ и посмотрѣвъ съ улыбкой на противника, сказалъ: «а позвольте разсказать вамъ примѣрный случай - это было въ Парижѣ: двое играли, вотъ какъ мы теперь, и одинъ изъ нихъ, вотъ хоть бы теперь какъ я, игралъ за другихъ въ долю съ ними. Играли, играли, вотъ этотъ и записалъ 16,000; онъ и говоритъ противнику: послушайте, помиримся лучше - дайте мнѣ половину, 8,000, а я сотру 16,000, да вы пожалуй еще три на меня припишите; тотъ, разумѣется, согласился съ радостію, да такъ и сдѣлали. Какъ вамъ нравится анекдотъ этотъ?»

Противникъ признался, что анекдотъ очень хорошъ и отмѣнно ему понравился. Куреневъ взялъ въ руки щетку, занесъ ее на записку и смотрѣлъ прямо въ глаза тому, отъ кого ждалъ дальнѣйшихъ распоряженій: тотъ оглянулся на сонныхъ, досталъ бумажникъ, отсчиталъ 8,000; Куреневъ положилъ ихъ въ карманъ, стеръ записку и далъ противнику записать три тысячи; потомъ онъ потянулся, громко зѣвнулъ, крякнулъ, протянулъ руку и сталъ будить ближайшаго изъ двухъ товарищей.

- Полно спать, сказалъ онъ: - ужъ теперь поздно, доспишь въ четвергъ: вонъ, тутъ уже три тысячи на насъ наверстали; бери самъ карты, мнѣ не везетъ.

Вскорѣ послѣ этого случая, Куреневъ изчезъ изъ того губернскаго города, гдѣ это происходило, и не слышно было, куда онъ дѣвался. Поговаривали, вспоминая ухорскаго промышленника, что онъ, вѣрно, какъ нибудь дотащился до столицы; но никто не зналъ и не подозрѣвалъ, что онъ разжился и съ этими денежками пустился на промыселъ.

Въ Москвѣ, въ Троицкомъ трактирѣ, человѣка три загадочнаго вида, поведенія и образа мыслей, сидѣли за обѣденнымъ столомъ. Пріемы ихъ были не графскіе; но люди эти, какъ замѣтно было по всему, пожили и видѣли свѣта, не только что въ окнѣ. Обѣдъ былъ роскошный, вина въ волю. Въ эту же комнату вошелъ, когда обѣдъ былъ въ самомъ разгарѣ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, степеннаго вида, въ поношенномъ фракѣ и полосатой тканьевой жилеткѣ, стараго вида и покроя. Онъ вѣжливо поклонился пирующимъ, изъ чего эти тотчасъ заключили, что это пріѣзжій, и стали на него поглядывать; затѣмъ онъ присѣлъ въ углу, къ маленькому столику, спросивъ половаго, можно ли ему тутъ сѣсть, и на отвѣтъ прислужника: «какже-съ, гдѣ милости вашей угодно-съ», потребовалъ обѣдать. Бесѣда между сидящими за большимъ столомъ продолжалась; то тотъ, то другой косились на степнячка и дѣлали другъ другу знаки. Одинъ показалъ пальцемъ на свою жилетку, обозначая продольныя полосы, и

улыбнулся; другой въ отвѣтъ на это, кивнулъ головой и проговорилъ, опустивъ глаза въ тарелку: «Херсонь или Саратовъ.» За большой столъ подали спаржу; степнячокъ поднялъ голову, посмотрѣлъ, будто съ какимъ-то любопытствомъ, и сказалъ: «малый, а подай-ка и мнѣ вотъ этого кушанья - вонъ!»

Улыбка за большимъ столомъ превратилась въ хохотъ, который, однакожъ, ради приличія, весьма ловко отнесенъ былъ къ какому-то побочному обстоятельству. Спаржу подали; но посѣтитель, видно, не привыкъ еще съ нею управляться: онъ принимался ѣсть ее съ комля; пережевавъ два-три ростка до половины, онъ отсунулъ остальную спаржу ложкой и очистилъ одинъ только соусъ, закусывая его хлѣбомъ.

Это была не послѣдняго разбора потѣха для прочихъ посѣтителей и даже для ярославца, который стоялъ тутъ же въ чистомъ, бѣломъ бѣльѣ своемъ и, закрывая ротъ рукою, осторожно ухмылялся. Гости за большимъ столомъ, человѣка три

коротко знакомыхъ между собою пріятелей, перемигнулись и вскорѣ нашли случай завязать со степнякомъ бесѣду. Оказалось, что онъ, дѣйствительно, прибылъ по дѣламъ изъ дальней губерніи и не бывавъ отъ роду въ столицахъ, затруднялся на каждомъ шагу. Предложеніе услужливаго общества принять его въ кругъ свой - потому что и эти господа, какъ оказалось, пріѣхали недавно въ Москву, частію по дѣлу, частію по бездѣлью - предложеніе ихъ показать ему все замѣчательное на Москвѣ и оказать кой-какое пособьице было принято имъ съ благодарностью. Онъ не зналъ ни улицъ, ни переулковъ, ни театра, ни Опекунскаго совѣта, не видалъ ни Терема, ни Оружейной палаты, а, между тѣмъ, частію изъ любопытства, частію по дѣлу, ему надо было все это узнать. Когда обѣдъ кончился и степнякъ нашъ, подсѣвъ уже къ большому столу, по новому знакомству, вынулъ толсто набитый бумажникъ, досталъ оттуда сотенную и просилъ половаго размѣнять ее, то новые друзья его

обѣщали ему торжественно не покидать его отнынѣ на скользкомъ поприщѣ московской дѣловой и частной жизни и руководить полезными своими наставленіями. Степнячокъ, въ жилетѣ съ продольными голубыми полосками и высокимъ воротникомъ, былъ даже тронутъ такою услужливостію и не зналъ, какъ благодарить.

Шайка, на которую напалъ бѣдный степнякъ, выжидала такихъ олуховъ и ими кормилась. Члены ея условились, какъ дѣйствовать, и не спускали болѣе жертву свою съ глазъ, предостерегая новаго друга своего въ особенности отъ новыхъ, случайныхъ знакомствъ, потому что въ Москвѣ всякаго люда довольно и какъ разъ нападешь на такихъ, что оберутъ, какъ липку. Тотъ слушалъ, развѣсивъ уши, благодарилъ и обѣщалъ во всемъ слѣдовать ихъ совѣту и наставленію.

Дня три они возили его съ собою, тѣшили, холили и прислуживались ему, наконецъ, не шутя признали его добрымъ малымъ. Послѣ поѣздки къ цыганамъ и

разгульнаго дня, предложили, для забавы, заняться картишками. Степнякъ вообще велъ себя очень тихо и скромно, пилъ мало, но не отказывался от новыхъ для него увеселенiй и понемногу входилъ во вкусъ разгульной и безпутной жизни, а потому и подавалъ большiя надежды. Но въ карты онъ не игралъ. Въ дурачки и въ свои козыри онъ игрывалъ, для шутокъ; но, вѣдь, это не барская игра, и, чай, на Москвѣ играть въ нее не станутъ. «Почему не играть? сказали услужливые новые прiятели. Все одно, для препровожденiя времени можно.» И такъ сѣли играть въ дурачки. Немного погодя, однакожъ, одинъ предложилъ другую игру, которая, по словамъ его, была очень проста и гораздо занимательнѣе: карты какъ-то раскладываются поперемѣнно направо и налѣво, въ родѣ пасьянса.

- А, сказалъ догадливый степнячокъ: - вотъ вы что вздумали! Это по нашему, называется ярморочная; да я не игрывалъ никогда въ нее; не умѣю.

Добрые товарищи охотно взялись поучить его этой занимательной игрѣ, такъ, для забавы только, для препровожденія времени, и тотъ согласился, сказавъ, что за компанію и жидъ свинью съѣлъ, - но съ тѣмъ, прибавилъ онъ, чтобы не выходить изъ предѣловъ забавы, игры, и ставить только гривеннички. Тѣ охотно на все соглашались, потому что у нихъ истинно было одно желаніе: угодить пріѣзжему и позабавить его.

Такимъ образомъ, прошло еще нѣсколько дней, впродолженіе которыхъ степнячокъ чуть было не ускользнулъ изъ-подъ опеки пріятелей своихъ, такъ что они гонялись за нимъ цѣлый день по всей Москвѣ и насилу опять нашли и залучили: онъ попался было, по легковѣрію своему, другой шайкѣ въ руки, отъ которой опекунамъ его стоило большаго труда высвободить его и скрыть, потому, что и тѣ также были ребята не промахъ и, выслѣдивъ дичинку, неохотно покидали гонку свою. Но на этотъ разъ опасность благополучно миновалась: степнячка

уговорили переѣхать тайкомъ въ другое мѣсто, чтобы затерять слѣды отъ накинувшихся на него разбойниковъ, скрыться и не заводить новыхъ, столь опасныхъ въ Москвѣ, знакомствъ, безъ совѣта искреннихъ друзей его, желавшихъ ему одного только добра и жившихъ, повидимому, только для него.

Втеченіе этого времени нѣсколько разъ по вечерамъ принимались - скуки ради, для забавы только - за эту новую игру, которая, въ угоду степнячку, называлась просто ярморочною; а потомъ пріятели разсчитывались, сдавая другъ другу сдачи съ цѣлковаго. Мало по малу степнячокъ какъ будто входилъ во вкусъ ярмарочной игры и соглашался, что она позанимательнѣе дурачковъ; онъ только отстаивалъ отъ насмѣшекъ «свои козыри», увѣряя, что эта игра довольно тонкая, если кто искусно ее играетъ.

За такими и подобными шутками, поѣздами туда и сюда, катаньемъ и гуляньемъ, гдѣ потчивали нерѣдко новаго друга на свой счетъ, всегда опять садились

за ярмарочную, возвышая постепенно ставку.

- Да ну, къ чорту съ цѣлковымъ! сказалъ одинъ изъ нихъ, послѣ веселаго денька: - двадцать-пять ставлю!

- Пожалуй, и я придержу, сказалъ, улыбаясь, степнячокъ, и также выложилъ бумажку.

Такимъ образомъ, шуточки эти продолжались, къ крайнему удовольствію опекуновъ степнячка, цѣлый вечеръ, и онъ проигралъ нѣсколько сотъ рублей. Онъ былъ, впрочемъ, такъ любезенъ при этомъ и, расплачиваясь, показалъ невзначай такой толстый бумажникъ - въ который, впрочемъ, конечно, никто не заглядывалъ - что товарищи его расцаловали, и на другой и третій день затѣяли ту же забаву, начавъ ее уже не съ гривенниковъ и покончивъ.... нѣтъ, позвольте: это засѣданіе надо описать нѣсколько подробнѣе.

Трое опекуновъ и опекаемый сидѣли уже давненько за ломбернымъ столикомъ и забавлялись ярмарочною. Степнячокъ былъ все такой же чудакъ, неотесанный,

неловкій, въ полосатомъ жилетѣ, и даже, по примѣру товарищей, снялъ съ себя фракъ и платокъ; но счастье везло ему сильно, и противники, со всѣмъ радушіемъ и хлѣбосольствомъ своимъ, никакъ не могли споить его съ кругу, хотя имъ и казалось, что онъ выпилъ лишнюю рюмочку. Видя, что счастье ему такъ непомѣрно служитъ, и понадѣявшись на то, что у него должно двоить въ глазахъ, зная также неопытность этого олуха, у котораго карты валились изъ рукъ, банкометъ перетасовалъ карты, далъ снять и только что хотѣлъ начать метать, какъ тотъ остановилъ его съ вѣжливою, пріятельскою и простоватою улыбкой, сказавъ простодушно: «Ахъ, позвольте! какъ вы это хорошо дѣлаете! Но, знаете ли, это можно и чище сдѣлать, какъ мнѣ однажды случилось видѣть. Позвольте мнѣ карты: вотъ такъ, видите?» Опекуны разинули рты, и ни одинъ изъ нихъ не доискался слова: степнячокъ передернулъ у нихъ въ глазахъ такъ чисто, что этакой передержки никто изъ нихъ и во снѣ не видалъ.... Онъ, разсмѣясь, передалъ опять

карты банкомету и сказалъ: «Ничего-съ, извольте продолжать, я такъ только пошутилъ....» Но имъ было не до шутокъ. Теперь только увидѣли они, съ кѣмъ связались. «Когда своего счастья нельзя здѣсь пустить въ оборотъ, а общее не служитъ - подумали они, переглянувшись - то едва ли не лучше будетъ забастовать. Можетъ быть, завтра пойдетъ лучше; къ завтраму жъ можно будетъ подготовить что нибудь понадежнѣе простой передержки. Но для этого именно нужно время....» У банкомета заболѣла голова, и онъ предложилъ кончить. Степнячокъ милый и простой товарищъ, на все согласился, сказавъ, что теперь и точно уже довольно поздно и лучше оставить продолженіе до другаго раза.

- У насъ времени еще впереди много, прибавилъ онъ и сталъ считать.

По счету вышло до тридцати тысячъ цѣлковыхъ, и счетъ этотъ оказался вѣрнымъ. Деньги, и въ томъ числѣ два банковые билета, выложены на столъ, сосчитаны, положены степнячкомъ нашимъ

въ карманъ и отправились вмѣстѣ съ нимъ на ночлегъ, въ извѣстный нумеръ гостинницы.

Когда гость этотъ ушелъ, то молодцы наши посмотрѣли другъ на друга и долго не знали, что говорить. Отдать тридцать-тысячъ серебромъ вмѣсто того, чтобы облупить, какъ липку, другаго - это вовсе не могло входить въ ихъ разсчеты, и они, конечно, сами не затѣмъ пріѣхали въ Москву и не съ тѣмъ нянчились столько времени со степнячкомъ.

- Каковъ гусь? спросилъ, наконецъ, одинъ.

Другой подумалъ, постоялъ и вдругъ, какъ будто вспомнивъ что нибудь, сталъ собирать съ полу гнутыя карты и разсматривать ихъ у свѣчки, и вдругъ закричалъ внѣ себя: «Ахъ, онъ мошенникъ, подлецъ! Смотри, крапленыя!» Оба товарища бросились къ свѣчѣ и несомнѣнно убѣдились въ очевидной истинѣ.

- Но какъ? какимъ образомъ? какъ это могло случиться? Вѣдь, карты наши! Мы, братецъ, просто олухи, скоты: наши карты

унесъ онъ съ собой въ карманѣ вмѣстѣ съ нашими деньгами, а намъ подсунулъ свои....

Вся шайка была въ отчаянномъ озлобленіи на бѣднаго степнячка, котораго полагали поддѣть навѣрняка, тогда какъ онъ ихъ поддѣлъ самымъ грубымъ и наглымъ образомъ. Всѣ трое дышали местью и, въ полной увѣренности, что у этого пріятеля долженъ быть порядочный запасецъ такихъ счастливыхъ картъ, пошли тотчасъ же и донесли на него, требуя немедленно у него обыска.

Степнякъ благополучно пришелъ въ свой нумеръ и легъ спать. Онъ почивалъ часа три сладкимъ сномъ и въ самыхъ пріятныхъ грезахъ, какъ стукъ у дверей его пробудилъ. Онъ вскочилъ, сталъ доспрашиваться, кто тамъ, наконецъ зажегъ огня и впустилъ незванаго гостя. У дорожнаго человѣка мебели немного; и въ шкатулкѣ карельской березы, подлѣ денегъ и банковыхъ билетовъ, найдено нѣсколько колодъ картъ, подрѣзанныхъ и снова запечатанныхъ или заклеенныхъ, а также знакомые опытному глазу снаряды для

пріученія картъ къ постоянному послушанію.

Дѣло было ясно, и отъ такой улики некуда дѣваться; но степнячокъ нашъ нескоро робѣлъ и никогда не терялся: оглянувшись еще разъ, онъ увидѣлъ, что тутъ не было соблюдено всѣхъ должныхъ формальностей, вѣроятно, ради спѣха и по ночному времени, - находчикъ былъ одинъ въ этой комнатѣ, и съ нимъ только служители, оставшіеся въ передней, а впрочемъ ни свидѣтелей, ни понятыхъ.

- Что жъ, сказалъ онъ спокойно, повертѣвъ въ рукахъ банковый билетъ въ двѣ тысячи серебромъ, полученный за нѣсколько часовъ отъ опекуновъ своихъ: - что жъ, разумѣется, что я попался; но какъ вы думаете вотъ объ этомъ?

Бѣднякъ соблазнился видно, замялся и съ отвѣтомъ своимъ остался въ долгу. Степнякъ сунулъ ему билетъ въ руку, бросилъ карты въ печь и, разумѣется, послѣ сжегъ ихъ, а затѣмъ выпроводилъ со всею вѣжливостію ночнаго гостя.

Только что шаги въ переходѣ заглохли, какъ степнячокъ нашъ сидѣлъ уже за письменнымъ столомъ и писалъ два объявленія, одно въ полицію, другое въ банкъ, оба одного содержанія: «Ночью сдѣланъ у меня, по неизвѣстному мнѣ поводу, обыскъ - ничего подозрительнаго не найдено, но украденъ банковый билетъ, на имя неизвѣстнаго, отъ такого-то года и числа, за такимъ-то нумеромъ. Прилагаю также свидѣтельство, выданное мнѣ прежнимъ владѣльцемъ этого билета, въ томъ, что я принялъ его въ уплату денежнаго долга, по сдѣланной мною тому лицу ссудѣ.»

Вы видите, что степнячокъ нашъ былъ довольно предусмотрителенъ: безъ подобныхъ росписокъ онъ не принималъ банковыхъ билетовъ, и въ настоящемъ случаѣ правило это оказалось полезнымъ. При такихъ очевидныхъ доказательствахъ, конечно все право было на сторонѣ степняка. Билетъ, конечно, нигдѣ не нашелся, но, по истеченіи законнаго срока, хозяинъ получилъ деньги. Въ ярмарочную

онъ болѣе не пускался, по крайней мѣрѣ, съ этими опекунами, а собралъ что Богъ ему далъ и уѣхалъ. Вы спросите: куда? да туда же, откуда пріѣхалъ. Всякій человѣкъ привязанъ къ родинѣ своей; а родину его мы видѣли въ началѣ этого разсказа, потому что степнячокъ этотъ былъ, разумѣется, не иной кто, какъ знакомый намъ Куреневъ....